

Нана

Эмиль Золя

НАНА

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
3-81

Перевод с французского Надежды Жарковой

Золя, Э.

3-81 Нана / Э. Золя; [пер. с фр. Н. Жаркова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 606 с.

ISBN 978-5-521-74499-2

Роман «Нана» —одно из лучших произведений французского писателя Эмиля Золя, творчество которого стало основой нового этапа в развитии реализма. Социальная действительность, разоблачение общественных пороков, начатое в эпопее «Ругон-Маккары», продолжилось и в истории парижской куртизанки Наны, у ног которой распростерся весь Париж. Образ главной героини стал символом Второй империи во Франции второй половины XIX в.: при внешнем блеске порочная и развратная сущность.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

I

Пробило девять, а зал театра Варьете был еще пуст. Лишь кое-где на балконе и в партере терпеливо ожидали начала немногочисленные зрители, затерявшиеся среди гранатового бархата кресел, в слабом сумеречном свете приспущенной люстры. Громадное алое пятно занавеса расплывалось во мраке; сцена безмолствовала, рампу еще не зажигали, еще не расставили по местам сдвинутые в беспорядке пюпитры оркестрантов. Только в райке, уютившемся под расписным плафоном, где обнаженные девы и младенцы порхали в небесах, давно позеленевших от испарений газа, — слышался сдержанный непрерывный гул голосов, смех и выкрики; там уступами уходили ввысь к большим круглым окнам в золоченых рамах ряды чепцов и каскеток. В ложах время от времени появлялись билетерши и, с озабоченным видом держа билеты в руке, пропускали вперед очередную пару, чинно садившуюся на свои места: мужчина во фраке, при нем дама — тоненькая, затянута, с томно блуждающим взором.

В креслах показались двое молодых людей. Не присаживаясь, они стали разглядывать зал.

— Ну что я тебе говорил, Гектор! — воскликнул тот, что был постарше, высокий брюнет с усиками. — Чего

ради ты притащил меня так рано? Даже сигару не дал докурить.

Мимо прошла билетерша.

— Верно, господин Фошри, — фамильярно бросила она, — начнут уж никак не раньше, чем через полчаса.

— Зачем же писать в афишах, что начало в девять, — буркнул Гектор, досадливо кривя свое длинное худое лицо. — Еще сегодня утром Кларисса уверяла меня, что начнется в девять, а ведь она знает, сама занята в пьесе.

Они прервали беседу и, закинув голову, старались проникнуть взором в полумрак лож. Но зеленая обивка, казалось, еще сгущала тени. Внизу под галереей утопали в полной мгле ложи бенуара. В ложе балкона сидела одна-единственная зрительница — какая-то полная дама, тяжело опиравшаяся на бархатный барьер. Справа и слева от сцены, между высоких колонн, еще пустовали литерные ложи, задрапированные занавесями с длинной бахромой. Белизна и позолота зала, оттененные нежно-зелеными тонами, еле проступали сквозь легкую пелену света, льющегося из большой хрустальной люстры, где газовые рожки только еще начинали разгораться.

— А ты достал ложу для Люси? — спросил Гектор.

— Достал, но с каким трудом! — ответил его спутник. — Не беспокойся, Люси раньше времени не явится.

Он подавил зевок и после минутного молчания добавил:

— Тебе повезло, ты ведь еще никогда на премьерах не бывал... «Белокурая Венера» наверняка будет гвоздем сезона. О ней уже целых полгода трезвонят. Ах, дружок, какая музыка! Шик!.. Борденав, а он в таких делах знаток, недаром приберег пьесу для Выставки.

Гектор слушал его слова с благоговейным вниманием. Потом спросил:

— А эту Нана, новую звезду, которая играет Венеру, — ты ее знаешь?

— Господи! И ты туда же! — воскликнул Фошри, воздевая к небесам руки. — С самого утра меня допекают этой Нана. Я нынче встретил человек двадцать, и все как сговорились, Нана да Нана!.. А я почему знаю! Неужели я обязан помнить всех парижских девок?.. Нана — новое открытие Борденава. Этим все сказано!

Он замолчал, успокоился. Но вид пустого зала, тусклый свет люстры, какое-то почти церковное благолепие, благолепие храма, где человек невольно переходит на шепот, боится хлопнуть дверью, снова вывели его из равновесия.

— Ну, нет уж, — неожиданно заявил он, — с меня хватит! Лично я ухожу. Может, нам посчастливится обнаружить внизу Борденава. И даже узнать кое-какие подробности.

В огромном вестибюле, выложенном мраморными плитами, у контроля уже начали толпиться зрители. Сквозь распахнутые двери видны были бульвары, где под высоким небом апреля шла своя особая жизнь с жаркой сутолокой и сверканием огней. Стук карет резко обрывался у подъезда, громко хлопали дверцы; зрители по двое, по трое входили в вестибюль, задерживались у контроля, поднимались по расположенной в глубине вестибюля лестнице, расходившейся направо и налево двумя маршами; на ступеньках с умыслом медлили, играя гибкой талией, дамы. В беспощадном свете газа, среди мертвенной наготы вестибюля, которому жалкие колонны в

стиле ампир придавали сходство с храмом, воздвигнутым из папье-маше, бросались в глаза длинные афиши, где на желтом фоне огромными черными буквами выделялось имя НАНА. Мужчины останавливались и впивались глазами в афишу; уже прочитавшие толпились в дверях, загораживая проход; а у билетной кассы толстяк с широким гладко выбритым лицом грубо огрызнулся в ответ на просьбы желающих получить билетик.

— Вот он, Борденав, — сказал Фошри, спускаясь по лестнице.

Но директор уже заметил его.

— Хорош, нечего сказать! — крикнул он снизу. — Где она, обещанная статейка? Открываю утром «Фигаро», и хоть бы слово!

— Да подождите, — отбивался Фошри. — Надо сначала посмотреть вашу Нана, а потом уже о ней писать... Кстати, я вам ровно ничего не обещал.

Желая положить конец пререканиям, он представил директору своего кузена Гектора де Ла Фалуаз, прибывшего в Париж с намерением завершить здесь свое образование. Директор бросил на юношу быстрый оценивающий взгляд. А Гектор в волнении уставился на него. Так вот каков он — знаменитый Борденав, владелец труппы дрессированных девиц, их тюремщик, неистощимый поставщик сенсационных новинок, вот он, этот циник с замашками жандарма, — орет, брызжет слюной, хлопает себя по ляжкам. Гектор решил, что обязан начать разговор с какой-нибудь любезной фразы.

— Ваш театр... — произнес он медовым голосом.

Но Борденав прервал его бесцеремонным словечком, как человек, не склонный приукрашивать истину.

— Скажите лучше — мой бордель.

Фошри одобрительно фыркнул, а шокированный Ла Фалуаз, поперхнувшись комплиментом, старался сделать вид, что оценил остроу. Тут директор бросился здороваться с театральным критиком, чьи фельетоны имели немалый вес. Когда он снова подошел к молодым людям, Ла Фалуаз уже успел оправиться от смущения. Пуще всего он боялся, что будет мяться, и тогда в нем признают провинциала.

— Мне говорили, — начал он, не желая сдаваться, — что у Нана прелестный голос.

— Это у нее-то?! — воскликнул директор, пожимая плечами. — Визжит, как драная кошка!

Юноша поспешил исправить свой промах:

— Зато великолепная артистка.

— Это она-то!.. Тумба тумбой, ни рукой, ни ногой двинуть не умеет.

Легкая краска проступила на скулах Ла Фалуаза. Он окончательно отказывался что-либо понимать. И про-бормотал:

— Ни за какие блага мира я не пропустил бы нынешней премьеры. Мне известно, что ваш театр...

— Мой бордель... — снова поправил его Борденав с холодным упрямством человека, которого не так-то легко сбить с его позиций.

Тем временем невозмутимый Фошри разглядывал входивших дам. Он поспешил на помощь кузену, который стоял разинув рот, не зная, смеяться ему или обидеться.

— Ну что тебе стоит порадовать Борденава, называй его театр, как он тебя просит, раз ему так хочется... А вы,

дружок, бросьте нас морочить. Если ваша Нана не умеет ни петь, ни играть, спектакль просто-напросто провалится. Впрочем, боюсь, что так оно и будет.

— Провалится! Провалится! — завопил директор, багровея от негодования. — Да кто вам сказал, что женщина должна уметь петь и играть! Ах, детка, ты, как я погляжу, просто дурак... У Нана есть нечто другое, и это то другое все заменит, уж поверь мне. У меня на такие вещи нюх, так вот этого другого у Нана хоть отбавляй, или я, старый болван, ничего не стою... Вот увидишь, сам увидишь, стоит ей выйти на сцену, и весь зал ахнет.

Он вскинул к потолку свои огромные ручки, которые тряслись от восторга; облегчив душу, он понизил голос и пробормотал про себя:

— Да, она далеко пойдет, далеко, уж поверьте... Кожа-то, кожа какая...

И так как Фошри не отставал, Борденав снизошел и сообщил кое-какие подробности в столь откровенных выражениях, что Гектор де Ла Фалуаз сконфузился... По словам Борденава, Нана он знал раньше и решил дать ей ход. Кстати, он тогда как раз искал Венеру для новой пьесы. Лично он не любитель долго возиться с новенькими, пускай публика получит свое удовольствие. Ну и хлебнул же он горя, когда эта рослая девица появилась в их заведении, — чуть бунт не поднялся. Роза Миньон, главная его звезда, она и поет прекрасно и играет отлично, так вот Роза совсем разъярилась, почуяв соперницу, каждый божий день грозит бросить его на произвол судьбы. А с афишами-то что было, боже мой! В конце концов он велел набрать имена обеих артисток одинаково крупным шрифтом. Пусть только оставят его в покое.